

ФИЛОЛОГИЯ И ЛИНГВИСТИКА

Голобородько Андрей Юрьевич

канд. филол. наук, доцент, заместитель директора

Таганрогский институт имени А.П. Чехова

(филиал) ФГБОУ ВПО «РГЭУ (РИНХ)»

г. Таганрог, Ростовская область

ГОСУДАРСТВЕННАЯ КУЛЬТУРНАЯ ПОЛИТИКА В КОНТЕКСТЕ КОНСТРУИРОВАНИЯ ДИСКУРСА «МЯГКОЙ СИЛЫ»

***Аннотация:** в статье рассматривается понятие «мягкая сила» – особый тип влияния, особый вид власти, непосредственно связанный с информационной революцией, с возрастающим объемом информации, а также со скоростью и широтой её распространения благодаря новейшим коммуникативным технологиям. Автор сообщает, что такое явление выступает одним из эффективных инструментов перекодирования сознания человека посредством, в частности, разрушения национального культурно-исторического ядра и переустройства социальной памяти.*

***Ключевые слова:** «мягкая сила», имиджевые кампании, коммуникации, лингвокультурный концепт.*

Новые проблемы и противоречия, стимулы и мотивы поведения человека, многообразие средств связи и форм общения формируют сегодня новые ориентиры деятельности человека информационного общества. В нашу переломную эпоху человечество, по меткому выражению профессора И.Л. Андреева, «переходит на орбиту приоритетных операций с информацией» [1, с. 82], «втягиваясь» в новую, «информационную» полосу своей Истории.

Человек 21-го века оказался погруженным в бездну хаоса, неоднозначности, неопределенности пути и перспектив будущего развития, в ситуацию жизни «одним днем»; неустойчивость и усиливающаяся частота разрушения порядков в со-

временном мире превращается в норму, а процессы в режиме с обострением становятся преобладающими, изменяя структуры и конфигурации социумов. Жизнь становится непредсказуемой, а восприятие действительности – эмерджентным [2, с. 181–183]; в социальном времени образуются провалы – «стирается» коллективная память, изменения социальных структур резко ускоряются и становятся трудно предсказуемыми – они утрачивают устойчивую логику и рациональное целеполагание, из-за чего образ даже ближайшего будущего становится неопределенным; люди живут, как кочевники, и не строят длительных жизненных планов.... жизненный путь личности вырван из «цепи времен» и почти не связан с преемственностью поколений – человеческие сообщества становятся короткоживущими, а социальная структура – размытой [3, с. 27–28].

На авансцену политики, экономики, социального развития в современных условиях выходит проблема человеческого сознания как уникального феномена, динамика, гибкость и продуктивность развития которого способны обеспечить человеку «адаптационный фон» в эпоху информационной революции. По мнению М. Кастельса, новые информационные технологии являются не просто инструментом для применения, но также процессом для развития, в силу чего в какой-то мере исчезает различие между пользователем и создателем, пользователи могут держать под контролем технологию (как в случае с Интернетом); отсюда следует новое соотношение между социальными процессами создания и обработки символов (культура общества) и способностью производить и распределять товары и услуги (производительные силы). Впервые в истории человеческая мысль прямо является производственной силой, а не просто определенным элементом производственной системы [4].

В онтологическом (бытийном) плане сознание – есть совокупность текстов, построенных в различных познавательных контурах, которые «пронизаны» смыслом: сознание в актах понимания стремится обнаружить смыслы текстов; понимание, по сути, является процессом смыслообразования. В силу этого сознание можно описать как «множественный самоинтерпретирующийся текст, как

понимающее себя эго-сознание, сознание есть мультипликативный самоинтерпретирующийся текст» [5, с. 234–235]. Человек не просто отражает мир, строя модель мира, но, отражая его, вместе с тем, понимает мир сквозь призму своей модели. Понятия «смысл» и «понимание» предполагают друг друга; моделирование действительного мира человеком возможно благодаря пониманию сознанием собственного текста.

В корреляции с актуальной проблематикой «восхождения на Олимп» информационной эпохи в развитии человечества и обусловленной ею необходимости поиска адекватных инструментов осмысления человеком окружающего его мира виртуальных образов и символов, выскажем предположение, что развитие человечества связано сегодня с совершенствованием форм понимания, что, в свою очередь, предполагает формирование многовариантных стратегий понимания и децентрацию (в терминологии Ж. Дерриды и других исследователей постмодернизма) сознания; актуальная задача – поиск формулы, которая позволит решить проблему понимания мира, в котором мы живем.

Понимание – синоним человеческого присутствия в мире, ведь всякий акт понимания – это акт восстановления мира из хаоса цвета, звука, беспредметной разобщенности, это акт восстановления пространственно-временного порядка, это оформление мира в картину мира [5, с. 293].

Человек всегда жил в трех измерениях – в мире реальном, мире информационном, мире символическом. И именно в современном мире информационные технологии и средства коммуникации оказывают столь мощное воздействие на сознание, что реальные действия и события по большому счету только тогда становятся значимыми, когда они представлены в СМИ, то есть становятся функцией виртуальности.

«Реальность доминирования виртуальности» в глобальном информационном пространстве позволяет адресатам, работая с сознанием человека, внедрять разнообразные технологии манипулирования, обеспечивая среду для формирования нужных образов и символов. На это, как известно, и опирается «мягкая

сила», призванная обеспечить «обработку» сознания человека, а точнее, масс посредством информации, знаний и культуры [6]. Эта «мягкая сила», проявляющаяся как особый тип влияния, особый вид власти, непосредственно связанный с информационной революцией, с возрастающим объемом информации, а также со скоростью и широтой её распространения благодаря новейшим коммуникативным технологиям, выступает одним из эффективных инструментов перекодирования сознания человека посредством, в частности, разрушения национального культурно-исторического ядра и переустройства социальной памяти.

В глобальном смысле (кстати, по мнению М. Кастельса, сам факт становления и развития глобального пространства (= глобальной сети) обусловлен именно революцией в области информационных технологий, создавшей материальную основу глобальной экономики как принципиально новой, отличной от ранее существовавшей, экономической системы) ориентированная на внедрение в сознание конкретного социума (= адресанта) запрограммированных образов и символов информационная экспансия способна привести к его (адресанта) культурной десуверенизации [7].

В ряде наших предыдущих работ [8] мы осуществили попытку анализа природы некоторых социальных опасностей и угроз России, обусловленных в том числе активным и нередко агрессивным насаждением, посредством современных информационных и телекоммуникационных технологий, в ментальное пространство человека инокультурных образов поведения и смысловых ориентиров жизнедеятельности.

«Результирующими» этой политики можно, на наш взгляд, считать распространение феноменов аномии, культурной травмы, культурной десуверенизации...

Полагаем, принципиально важным в сегодняшних условиях экономического и социально-культурного развития нашей страны является разработка и активное внедрение инновационных гуманитарных технологий в сфере политической власти и различных видах управления, направленных на массовое и груп-

повое сознание [9, с. 5] – иными словами, речь идет о целесообразности реализации инструментария социально-гуманитарной инноватики нового типа (являющейся по своей природе инструментом «погружения» в суть вещей, а не догматизатором и интерпретатором внедренных теорий), продуктивность которой стратегически значима «в контурах» жизнеспособности страны.

Нами, в парадигме политологической инноватики как составной части сферы социально-гуманитарных инноваций нового поколения разработан авторский когнитивно-методологический конструкт, представленный в виде государственной культурной политики, которая рассматривается в контексте обеспечения национальной безопасности современной России.

Как известно, в декабре 2014 года Указом Президента РФ утверждены «Основы государственной культурной политики»; в Документе, в рамках описания оснований для выработки государственной культурной политики, отмечается, что «... перед Российской Федерацией стоит задача в исторически короткий период осуществить экономическую и социальную модернизацию страны, выйти на путь интенсивного развития, обеспечивающего готовность государства и общества ответить на вызовы современного мира. Это возможно только при условии планомерных и последовательных инвестиций в человека, в качественное обновление личности. В недавнем прошлом такие вложения были явно недостаточными, что создало угрозу гуманитарного кризиса» [10].

В новейшей истории России задача разработки и реализации государственной культурной политики, направленной на укрепление единства российского общества посредством приоритетного культурного и гуманитарного развития ставится впервые, и это, на наш взгляд, признак ценностного по/пере/ворота в определении стратегически важных направлений развития общества и государства на основе содержательного партнерства их институтов.

Разрабатываемый нами в том числе в русле положений, определенных «Основами государственной культурной политики», инструментарий культурной политики как исследовательский конструкт, предусматривающий разработку комплекса управленческих решений, призван аккумулировать мощный защитно-

охранительный культуры в практике государственного управления, в том числе в рамках активизации деятельности, направленной на стратегическое имиджевое планирование, сбережение и позиционирование как во «внутренней», так и во «внешней» среде ценностного ядра, традиций и достижений российской культуры.

В ходе нашего исследования выявляются, в частности, тенденции нового понимания культуры в реализации национальных интересов России как основы государственности, ресурса социальной стабильности, экономического роста; определяются ценностно-смысловые основания культурной политики, её ресурсное и технологическое обеспечение; осуществляется также анализ релевантного инструментария обеспечения «мягкой силы» укрепления гуманитарного влияния России в пространстве международных коммуникаций.

В рамках настоящей работы представим ряд наших соображений, репрезентирующих, при описании механизмов ресурсного и технологического обеспечения государственной культурной политики, возможные направления имиджевой стратегии современной России, содержательное наполнение которых обеспечивается прочным фундаментом уникального отечественного культурно-исторического наследия.

Бесспорным и не требующим дополнительной аргументации является, на наш взгляд, тезис о том, что информационное общество значительно изменило природу политической власти; она (власть) сегодня переместилась в виртуальное пространство – в мир образов, имиджей и символов.

С учетом того, что имидж страны в информационном пространстве во многом формируется под воздействием символического капитала национальной культуры (известный французский социолог П. Бурдьё к символическому капиталу культуры относит прежде всего коллективную память, общественные цели, культурные символы и духовную сферу социума), уместно, на наш взгляд, говорить о том, что символический капитал российской культуры основан на вере и признании миллионов людей, которые считают этот капитал ценным для себя и

для других, которые верят в ценности, принципы и традиции нашей национальной культуры, идентифицируя себя с ней, и, наконец, над «умами» (сознанием) которых она (культура) имеет реальную власть [11, с. 101–103].

Как отмечает И.А. Василенко, в «условиях информационной революции одной из ключевых задач для каждого государства является создание конкурентной идентичности, способной сделать образ страны в мировых каналах коммуникаций привлекательным, уникальным, конкурентоспособным и высокоэффективным» [12]. При этом сравнительный анализ успешных имиджевых стратегий различных государств современного мира позволяет констатировать, что поиск инноваций в имиджевой сфере идет в русле реинтерпретации уникальных национальных культурных традиций (показательны в этой связи, в частности, примеры Швейцарии, а также Бразилии и Индии, активно прибегающих в рамках имиджевых кампаний к позиционированию и использованию ресурсов, составляющих ядро их культурного наследия).

Полагаем, вопрос поиска и позиционирования конкурентной идентичности (и в этом мы солидарны с И.А. Василенко) – важнейший в системе координат, описывающей природу и инструментарий стратегического имиджевого планирования современной России.

На заре информационной эры один из идеологов информационной революции М. Маклюэн отмечал: чтобы быть эффективным в современном мире информации, необходимо прежде всего активизировать в сознании людей систему национальных культурных приоритетов и адаптировать культурные традиции к новым средствам коммуникаций [13].

Иными словами, актуальнейшие задачи в рамках поиска адекватных инструментов укрепления культурно-цивилизационной идентичности и результативных механизмов имиджевой стратегии страны на современном этапе развития России – это, во-первых, создание условий для того, чтобы россияне научились гордиться тем, что они – носители высокой культуры, потомки Пушкина, Лермонтова, Достоевского, Толстого, Чехова... (ведь только через рост самоуваже-

ния к себе можно добиться уважения к себе других народов); и, во-вторых, активное применение современных технологий при проведении имиджевых кампаний как важнейшего компонента государственной культурной политики (ср.: С. Караганов «Российское влияние в информационно-идейной сфере по-прежнему невелико. Россия не использует капитал, унаследованный от прошлых веков. Во многом это связано с тем, что она не нашла свою новую идентичность, а барахтается в идеологических клише ушедшего столетия, «пытится вперед» [14]).

Мировая практика свидетельствует о том, что именно культура сегодня способна стать ключевым фактором развития государств, городов и территорий, поскольку она обладает потенциалом, который по долговременности и значимости преобладает над потенциалом экономических факторов и, зачастую, обуславливает возможности экономического развития территорий.

Культурный потенциал России, бесспорно, значителен, и актуальная, совместная, задача государства и общества, в контексте усиления гуманитарного влияния и укрепления имиджа страны, с одной стороны, создать условия для развития культуры как самоценности внутри страны, а, с другой, – активизировать возможности для трансляции ценностного ядра культуры России в международных каналах коммуникаций.

Исторически российская государственность строилась как государство-цивилизация [15, с. 47]; государства-цивилизации полифоничны и гетерогенны: идентичность в них двухуровневая – этнонациональная и цивилизационная; государство-цивилизация легитимизирует культурно-цивилизационную идентичность, выдвигая интегративный идентификатор для всей общности.

На наш взгляд, в качестве одной из конкурентных идентичностей современной России целесообразно рассматривать культурно-цивилизационный интегративный идентификатор, усилия (как со стороны государства, так и общества) по актуализации содержательного наполнения и позиционирования которого способно придать импульсы развитию российского цивилизационного проекта.

Считаем, выдвижение культурно-цивилизационного интегративного идентификатора может стать одной из основ концепции культурного развития России, к необходимости разработки которой призывал академик Д.С. Лихачев, справедливо полагая, что российское государство должно стать гарантом взращивания гуманитарной культуры, которая обеспечивает духовную основу и возможность совершенствования человека и общества, ведь «... без культуры в обществе нет и нравственности, а без элементарной нравственности не действуют социальные законы, экономические законы, не выполняются указы и не может существовать современная наука» [16].

В рамках анализа ресурсов «мягкого / гибкого» привлечения и убеждения мы рассматриваем «мягкую силу» как коммуникативную технологию, в «багаж» инструментов которой интегрирована трансляция лингвокультурных концептов, которые, в свою очередь, являются носителями и распространителями ценностей.

Лингвокультурный концепт (как базовая единица лингвокультурологической концептологии, исследовательское поле которой формируется трихотомией «язык-сознание-культура») отличается от других ментальных единиц, используемых в различных областях науки (когнитивный концепт, фрейм, сценарий, скрипт, понятие, гештальт и др.), акцентуацией ценностного элемента. Центром лингвокультурного концепта всегда является ценность, поскольку концепт служит исследованию культуры, а в основе культуры лежит именно ценностный принцип [17].

Как известно, одним из возможных подходов к изучению лингвокультурных концептов является построение их ассоциативной модели. Лингвокультурный концепт функционирует как процесс непрерывной номинации и реноминации объектов, появления новых и утраты старых ассоциативных связей между языковыми единицами и номинируемыми объектами; интенсивность функционирования концепта выражается в сумме двух показателей – номинативной плотности и метафорической диффузности [18, с. 52]. Лингвокультурный концепт является двусторонним ассоциативным феноменом: его языковую реализацию

нельзя сводить лишь к процессу означивания его собственного референта; параллельно всегда протекает процесс эксплуатации концепта для означивания других сущностей, выражающийся во вторичных (автономных или фразеологических значениях имени концепта [18, с. 54–55].

В лингвокультурном концепте выделяется интразона (совокупность «входов в концепт» = его номинативная плотность) и экстразона (совокупность выходов = его метафорическая диффузность): полагаем, одним из измерений рассмотрения лингвокультурных концептов в контексте разработки продуктивного инструментария «мягкой силы» может являться описание условий обогащения интразоны концепта посредством развития его экстразоны (пример – лингвокультурные концепты «Крым» и «историческая (культурная) память»; именно создание условий для обогащения интразоны концепта «Крым» посредством активного функционирования его экстразоны в виде «исторической памяти» в каналах международной коммуникации способно, на наш взгляд, обеспечить продуцирование качественного сдвига во «внешнем» восприятии событий весны 2014-го года и минимизировать его антироссийскую риторику.

Продуктивным и релевантным, на наш взгляд, в контексте лингвокультурной концептологии как особого измерения «мягкой силы» может быть подход, посредством которого возможно разрушение искусственно конструируемых в ангажированном коммуникативном пространстве «квази» интра / экстразон ценностноориентированных лингвокультурных концептов (релевантным здесь, на наш взгляд, являются, например, усилия, направленные на эксплицирование развития концептосферы российских топонимов) – совокупности исходящих и входящих формальных ассоциаций.

Перспективным и результативным в рамках исследовательского поля инструментария укрепления гуманитарного влияния России, может, на наш взгляд, выступить подход, предусматривающий формирование контента smart power (умной силы), трактуемой как баланс твердой и мягкой силы: полагаем, релевантным в этом контексте могут быть коммуникативные технологии, направленные

ные на позиционирование ценностных доминант русской культуры: А. Вежбицкая, например, к таковым относит, например, концепты «душа» и «судьба» [19, с. 33].

Признавая, что перечень представленных подходов к рассмотрению возможностей трансляции в пространстве «мягкой силы» потенциала аккумулированных в лингвокультурных концептах национальных ценностей носит в значительной степени предварительный характер (безусловно ценным и эффективным в этом контексте может быть также рассмотрение фикционалем, идеологем, политических и социальных мифов и др.), считаем, что предлагаемый инструментарий имеет серьезные перспективы для построения моделей конструирования языкового сознания и коммуникативного процесса в интересах позиционирования ценностного ядра российской культуры и укрепления гуманитарной безопасности государства: ведь культурные прототипы позволяют продемонстрировать специфику исторической памяти и ценностных предпочтений лингвокультурных общностей в синхронии и диахронии, разрушая тем самым шаблонность и ангажированность её (общности) восприятия в каналах международных коммуникаций.

В заключение отметим, что в новых условиях функционирования мирового сообщества в эпоху доминирования власти символов перед Россией стоят чрезвычайно сложные задачи, и разработка эффективной долгосрочной имиджевой политики приобретает стратегическое значение. И, чтобы стать по-настоящему успешной, эта политика должна, как считает профессор И.А. Василенко, быть многосторонней и многогранной, а технологический инструментарий – максимально широким: от разработки яркой идейной концепции и системного охвата всех каналов коммуникации до активизации усилий публичной дипломатии в рамках системного имиджевого позиционирования [20]; считаем, что действенным институтом публичной дипломатии в рассматриваемом контексте могут и должны стать международные образовательные и культурно-просветительские проекты, реализуемые российскими вузами в партнерстве с зарубежными организациями; более того, полагаем, сегодня со стороны Министерства образования

и науки РФ и Россотрудничества должны быть предприняты меры, направленные на поддержку инициатив организаций высшего образования России в области распространения русского языка и культуры в международном пространстве: положительных, результативных проектов в этой сфере предостаточно, необходима их систематизация и оптимизация возможностей для расширения и трансляции опыта в методическом, технологическом, организационном и др. аспектах.

Национальный брендинг требует содержательного партнерства государственного и частного секторов, активное сотрудничество органов власти и институтов общества, привлечение широкого круга каналов коммуникации, в число которых целесообразно, на наш взгляд, включить систематизацию трансляции лингвокультурных концептов как семантических конденсаторов в трихотомии «язык-сознание-культура», превращающих текст культуры в дискурс «мягкой силы».

Список литературы

1. Андреев И.Л. Современное представление о человеческом сознании. Материалы научного семинара. – Вып. №4. – М.: Научный эксперт, 2012. – 176 с.
2. Музыка О.А. Время и социальная синергетика. – Ростов н/Д: Изд-во ЮФУ, 2007. – 256 с.
3. Якунин В.И. Постиндустриализм. Опыт критического анализа. Монография – М.: Научный эксперт, 2012. – 288 с.
4. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество, культура. Предисловие научного редактора русского издания / Библиотека Гумер-Политология. – М., 2014.
5. Агафонов А.Ю. Человек как смысловая модель мира. Прологомены к психологической теории смысла. – Самара: Издательский Дом «БАХРАХ-М», 2000. – 336 с.
6. Пономарева Е. Железная хватка «мягкой силы»: журнал «Однако», 26.02.2015 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://trueinform.ru/modules.php?file=article&name=News&sid=12071> (дата обращения: 25.05.2015.)

7. Багдасарян В.Э. Культурное просветительство в системе национальной безопасности России / Доклад В.Э. Багдасаряна, 6.05.2015. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.cnsr.ru/press-tsentr/analiticheskie-materialy/kulturnoe-prosvetitelstvo-v-sisteme-natsionalnoy-bezopasnosti-rossii/> (дата обращения 25.05.2015.)
8. Голобородько А.Ю. Государственная культурная политика в системе обеспечения национальной безопасности современной России / Государственное и муниципальное управление. – 2012. – №3. – С. 128–133.
9. Голобородько А.Ю. Социальное и политическое пространство реализации государственной культурной политики как инструмента обеспечения национальной безопасности / Вестник Поволжского института управления. – 2012. – №33. – С. 15–23.
10. Старостин А.М. Философия социально-гуманитарных инноваций. Брошюра. – Ростов н/Д.: Редакционно-издательский центр ЮРИФ РАНХиГС, 2012. – 72 с.
11. Основы государственной культурной политики. Утверждены 24 декабря 2014 г. Указом Президента РФ В.В. Путина №808. Цитируется п. 2.1 Документа.
12. Бурдые П. Практический смысл. – СПб., 2001. – С. 101–103.
13. Василенко И.А. Новые тенденции мирового опыта ребрендинга государств: уроки для России // Сборник Центра проблемного анализа и государственно-управленческого проектирования, 2014. – 131 с.
14. Маклюэн М. Понимание медиа: внешние расширения человека. – М., 2003. – 394 с.
15. Караганов С. В чем сила, брат? / Россия в глобальной политике. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://globalaffairs.ru/pubcol/V-chem-sila-brat-15757> (дата обращения 25.05.2015.)
16. Багдасарян В.Э. Нациестроительство или империестроительство: развилка подходов // Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование. – 2014. – Т. 7. – №1. – С. 47–50.

17. Лихачев Д.С. Раздумья о России. – СПб., 1999. – 640 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.perspektivy.info/print.php?ID=290229> (дата обращения 25.05.2015.)

18. Карасик В.И. Культурные доминанты в языке // Языковая личность: культурные концепты. – Волгоград-Архангельск: Перемена, 1996. – С. 3–16.

19. Слышкин Г.Г. Лингвокультурные концепты и метаконцепты: Монография. – Волгоград: Перемена, 2004. – 340 с.

20. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. – М.: Рус. Словари, 1997. – 416 с.

21. Василенко И.А. Имиджевая стратегия современной России. Специально для портала «Перспективы». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.perspektivy.info/print.php?ID=290229> (дата обращения 25.05.2015.)